УДК 327(438:477):940.439

Роман Юрковский

ПОЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО И БРЕСТСКИЙ ДОГОВОР С УКРАИНСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РАДОЙ 9 ФЕВРАЛЯ 1918 ГОДА

В статье представлены обстоятельства участия украинской стороны в мирных переговорах в Брест-Литовске и реакция польского общества на образование украинского государства при посредстве Центральных держав. Рассмотрен состав украинской делегации и характер ее притязаний в переговорах с Центральными державами. Территориальные претензии со стороны Украины не ограничивались землями бывшей Российской империи, но распространялись на ряд регионов, принадлежащих Австро-Венгрии. Раскрываются причины уступок Германии и Австро-Венгрии украинской стороне. Обещания поставок хлеба с Украины Центральным державам не были обеспечены реальными запасами и возможностями вывоза. Автор предполагает, что украинская сторона изначально рассчитывала на оккупацию ее территории австро-германскими войсками. Показана реакция польских политических сил и общественности на условия Брест-Литовского договора. Представлен анализ отношения польских политических партий и течений к известию о заключении соглашения в Бресте. Передача Украине земель с польским населением вызвала возмущение и протесты на оккупированных Германией территориях исторической Польши. Особенно активный характер имели демонстрации и забастовки в регионах, подлежащих передаче под суверенитет Украины. Автор отмечает высокую политическую и гражданскую активность населения польских земель, занятых Центральными державами, накануне объявления государственного суверенитета Польши.

Первая мировая война; Брест-Литовский договор; Украинская Народная Республика; Германия; Австро-Венгрия; польское общество; общественное мнение

Политическую зрелость общества, которое состоит преимущественно из представителей одного народа, можно измерять его деяниями по защите элементарных прав этого народа. Польское население в конце Первой мировой войны и после заключения Брестского договора от 9 февраля 1918 года может служить ярким подтверждением того, что после 123 лет небытия польского государства было готово вернуть потерянную независимость и восстановить свое государство.

Условия Брестского мира относительно польских земель

Условия Брестского мира обстоятельно описаны в исторической литературе как в монографических исследованиях [1], так и в учебниках, посвященных истории Первой мировой войны [2] и истории дипломатии [3], поэтому представим их в энциклопедически сокращенном виде. 26 ноября 1917 года народный комиссар и главком российских войск Николай Крыленко обратился по радио от имени большевистского правительства к немецкому командованию с вопросом, может ли Германия немедленно начать переговоры о мире. Немцы без промедлений выразили согласие и 3 декабря 1917 года в Брест-Литовске начались переговоры о заключении перемирия. 15 декабря представители Советского правительства, Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии подписали соглашение о перемирии, которое вступало в силу с 17 декабря 1917 года на срок три месяца. 20 декабря 1917 года там же начались мирные переговоры. Во главе немецкой делегации стоял заместитель министра иностранных дел Рихард фон Кульманн (Richard von Kühlmann), но наиболее

[1] Q. v.: Pajewski J. Mitteleuropa. Studia z dziejów imperializmu niemieckiego w dobie pierwszej wojny światowej. Poznań, 1959. S. 253–301 ; Batowski H. Rozpad Austro-Węgier 1914–1918 (Sprawy narodowościowe i działania dyplomatyczne). 2 wyd., poprawione i uzupełnione. Kraków, 1982. S. 182–204 ; Чубарьян А. О. Брестский мир. М. : Наука, 1964. 246 с. ; Wojstomski S. W. Traktat brzeski a Polska. Sprawa polska w pertraktacjach pokojowych w Brześciu Litewskim pomiędzy Czwórprzymierzem a Rosją Sowiecką i Ukrainą. London, 1969 ; Grossfeld L. Polityka państw centralnych wobec sprawy polskiej w latach 1914–1918. Warszawa, 1962.

[2] Q. v.: Pajewski J. Pierwsza wojna światowa 1914–1918. 3 wyd. Warszawa, 2004. S. 627–658 ; Chwalba A. Samobójstwo Europy. Wielka Wojna 1914–1918. Kraków, 2014. S. 257–265 ; Kieniewicz S. Historia Polski 1795–1918. Warszawa, 1975. S. 536–539.

[3] Q. v.: Historia dyplomacji polskiej. T. 3 : 1795–1918 / pod red. Ludwika Bazylowa. Warszawa, 1982. S. 915–920.

© Юрковский Р., 2019

важные решения фактически принимал грубоватый генерал Макс Гоффман (Max Hoffmann). Габсбургов представлял министр иностранных дел граф Отокар Чернин (Otokar Czernin).

Советское правительство в Брест-Литовск направило делегацию, состоящую из нескольких лиц во главе с Адольфом Йоффе и Львом Каменевым. В начале 1918 года в Брест также прибыл народный комиссар иностранных дел Лев Троцкий, который с 10 до 19 января руководил советской делегацией. В брестских переговорах польская делегация не принимала участия, несмотря на предпринятые усилия со стороны Рады регенционной и правительства Яна Кухажевского (Jan Kucharzewski). Полякам было заявлено, что в Бресте встречаются представители только воюющих сторон и что Польша к ним не принадлежит. Это не препятствовало, однако, тому, чтобы в Брест пригласили представителей Украинской центральной рады, которая была сформирована 17 марта 1917 года, а 20 ноября провозгласила Украинскую Народною Республику (УНР), и также не являлась воюющей стороной. Во главе украинской делегации, состоящей из четырех человек, был премьер правительства Всеволод Голубович, остальные — очень молодые люди, двадцати с небольшим лет, имена которых называет польский историк Януш Паевский (Janusz Pajewski): Мыкола Любынский, Мыкола Левыцкий и Олександр Севрюк. Во время заседаний они выступали очень уверенно, что действовало на нервы солидному графу О. Чернину. Вся ситуация вокруг украинской делегации в Бресте была, говоря деликатно, непростой.

Полякам, представлявшим Раду регенционную, созданную немецкими и австрийскими оккупантами, было отказано в праве участия в заседаниях. Между тем представители Германии и Австро-Венгрии приняли как равноправного партнера делегацию никому неизвестной Центральной рады. По свидетельству графа Чернина, один из членов украинской делегации, О. Сервюк, раньше служил капралом в австрийской армии, откуда дизертировал. Как дизертира, его должны были судить военным трибуналом за измену Австро-Венгрии во время войны, в то время как он разговаривал как равный с равным с самим министром иностранных дел Габсбургской монархии и к тому же вся украинская делегация ставила следующие условия: присоединение к Украине Холмщины, причем территории даже больше, чем Холмская губерния, которая была выделена из Царства Польского в 1912 году, Восточной Галиции и Буковины.

Выступавшие от имени Украины представители Центральной рады, которая не имела документов, устанавливающих компетенцию и полномочия этого органа, требовали не только того, что не принадлежало Австро-Венгрии, но и Галицию и Буковину, что фактически значило раздел Габсбургской монархии. Было решено, что граница между Украиной и Австро-Венгрией останется на реке Збруч, а дальше «пойдет начиная от Тарногрода линией через Билгорай, Щебжешин, Красныстав, Пухачев, Радзинь-Подляский, Менджижец-Подляский, Самаки, Мельник» [4]. Взамен представители правительства УНР брали на себя обязательства доставить Центральным государствам к 31 июля 1918 года по меньшей мере миллион тонн зерна, до 50 тыс. тонн мяса и других продуктов (ст. VII Договора с Украиной) [5]. Самое странное во время этих переговоров состояло в том, что ни авст-рийцы, ни немцы не задавали себе вопроса: имеет ли Украина такое количество зерна и имеет ли Центральная рада какие-нибудь возможности вывезти их из страны. Создавалось впечатление, что в Бресте не знают о гражданской войне на Украине, о военных успехах большевиков, занимающих все большую часть ее территории, а сама Центральная рада не имеет никакого влияния, власти и армии. Все это могло означать, что при существующей анархии на Украине какой-нибудь систематический и мирный вывоз продуктов был неосуществим и будет требовать военной интервенции.

Но австрийцы не были готовы ее осуществить, а немцы ждали подходящего момента. Для них договор с Украиной был не только подходящим способом шантажировать Троцкого во время мирных переговоров в Бресте — он имел гораздо большее значение. Немецкие империалисты хотели также ослабить Россию путем отделения от нее Украины, создавая там сферу своего влияния. Эта немецкая Серединная Европа (Mitteleuropa), включающая Литву, Латвию, Эстонию, Польшу, Украину, Балканские и Закавказские государства, должна была быть новой сферой немецкой экспансии на случай поражения в войне на западе Европы [6]. К тому же украинской картой можно было играть и против Польши, подчиняя эти два государства Германии.

Договор с Украиной свидетельствовал также об упадке габсбургской дипломатии на заключительном этапе существования монархии. 8 февраля 1918 года, накануне подписания договора с Украиной, Центральными государствами австро-венгерское правительство в одиночку подписало тайное соглашение с представителями Центральной рады, согласно которому

---

[4] Q. v.: Pajewski J. Pierwsza wojna światowa 1914–1918. S. 651.

[5] См.: Полный текст договора с Украиной: Reichsgesetzblatt. Jahrgang 1918. N 107. S. 1010–1029.

[6] Q. v.: Pajewski J. Mitteleuropa. S. 46–47.

украинцам было обещано, что «австрийское правительство внесет в обе палаты парламента проект закона об отделении части Галиции, населенной преимущественно украинским населением, объединении ее с Буковиной и создании нового коронного края» [7]. Было в этом что-то противоестественное: такой опытный дипломат, каким был граф Чернин, подписывал тайное соглашение с правительством государства, которого де-факто не существовало и к тому же соглашался на вмешательство этого квазигосударства во внутренние дела Австро-Венгрии, относящиеся к таким важным делам, как изменение конституции [8].

Неточная формулировка «территории, где превалирует украинское население», давала украинским националистам широкие возможности интерпретации и означало раздел Восточной Галиции вопреки требованиям польского населения. Следует также вспомнить, что и Буковина наполовину была заселена румынами, которых также без их согласия отдавали Украинской центральной раде взамен за обещанное, но все же иллюзорное продовольствие. Фактически это соглашение должно было быть тайным до 31 июля 1918 года, но о нем стало известно уже в конце февраля, когда член делегации Севрюк во время пребывания в Вене похвастался содержанием договора. Эта информация попала в прессу, что вызвало очередное бурное выступление польских политиков и окончательно разрушило планы на воссоздание польского государства при поддержке Габсбургской монархии. В последующие месяцы 1918 года события показали, что тайные статьи договора так и не удалось претворить в жизнь, тем более что в договоре, кроме всего прочего, было записано об их неважности при условии, если «не будут исполнены какие-нибудь обязательства мирного договора» от 9 февраля 1918 года. Кстати, Австро-Венгрия никогда не ратифицировала договора с Украинской центральной радой (Германия это сделала в июле 1918 г.). К тому же в конце апреля 1918 года правительство Центральной рады уже не существовало, так как немцы его разогнали из-за неспособности навести элементарный порядок в деревнях. На территориях, не занятых большевиками, немцы создали «государство гетмана Павла Скоропадского», полностью зависимое от Германии.

Реакция польских властей и политических партий на подписание договора

Информация об уступке в Бресте Холмщины и части Подлясья никому неизвестной УНР должна была вызвать реакцию Рады регенционной и ее правительства. Уже сам факт недопуска польских представителей на переговоры в Бресте — показатель того, что положительное решение польского вопроса на конференции имеет смутные перспективы. Когда стало известно об условиях договора с Украинской центральной радой, проигнорированная оккупантами Рада регенционная, подвергавшаяся к тому же колоссальному давлению со стороны негодующего общества, рассматривала вопрос о своей отставке, но, когда эмоции несколько убавились, эту мысль отбросили из-за страха, что возникнет политический вакуум и в такой ситуации немецкие и австрийские оккупанты не допустят появления каких-либо других польских политико-государственных институтов. Это не был тривиальный вопрос: оккупационные власти старательно следили за восстановлением польских государственных структур под эгидой Рады регенционной и назначенных им правительств, и не каждый элемент этой польской национальной независимости находил у них признание. В частности, немцы считали, что деятельность Рады регенционной выходит далеко за рамки, изложенные в Акте от 5 ноября 1916 года. Рада регенционная не ушла в отставку вместе с правительством Яна Кухаржевского 11 февраля 1918 года. Свою отставку правительство обосновывало «протестом против нарушения прав народа Брестским договором, особенно против унижения польского правительства, которое лишилось возможности защищать интересы Польши в заключении этого договора» [9]. Вся акция была очень хорошо скоординирована польскими национальными кругами. В течение трех дней после демонстративной отставки правительства Рада регенционная (14 февраля 1918 г.) издала свое второе «Воззвание к народу», которое явилось

---

[7] Texte de Déclaration [w:] L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première guerre mondiale. Documents extraits des archives de l'Office allemande des Affaires étrangères. Publiés et annotes par A. Scherer et J. Grunevald, t. 3 (De la revolution sovietique á la paix de Brest-Litovsk (9 novembre 1917 — 3 mars 1918). Paris, 1976. N 233. S. 359–360. Польский текст этого договора: Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów 1866–1925 / pod red. Haliny Janowskiej i Tadeusza Jędruszczaka. Warszawa, 1981. N 187. S. 394–395.

[8] Этим секретным докладом было решено, что до 31 июля 1918 года австрийское правительство представит обеим палатам Венского Государственного совета законопроект, направленный на создание новой королевской страны, охватывающей те части Восточной Галиции, в которых преобладает «украинское население», и Буковину (см.: Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów 1866–1925. № 187. S. 394–395).

[9] Dodatek nadzwyczajny do „Monitora Polskiego". 1918, 14 Luty. N 7. [cyt. za:] ; Winnicki Z. J. Rada Regencyjna Królestwa Polskiego i jej organy (1917–1918). Wrocław, 2017. S. 101. Przyp. N 171.

решительным протестом против нового раздела и одновременно резким осуждением Брестского договора как нового акта против Польши и поляков.

В «Воззвании…» читаем: «Это является протестом во имя Бога и мира, перед лицом людей и судом истории, перед немецким народом и народами Австро-Венгрии… против нового раздела» [10]. Кроме протеста, в Воззвании содержались очень важные правовые и политические решения, указывалось, что Брестский договор является «односторонним нарушением духа и внутреннего содержания изданных монархами актов» (Акт от 5 ноября и Патент от 12 сентября 1917 г. — *Р. Ю.*) и что Рада регенционная основополагающим фактом верховенства своей власти считает «волю народа, полагая, что народ хочет иметь символ своей независимости. <...> Эта воля народа должна быть нашей миссией и наших усилий» [11]. Исследователь истории Рады регенционной профессор З. Ю. Винницкий пишет: «Созданную в условиях издания Воззвания ситуацию можно было квалифицировать как своего рода государственный переворот со стороны Рады регенционной правового и политического уклада Патента от 12 сентября 1917 года [12] и шаг в направлении политической эмансипации существующей в Царстве системы польских органов» [13]. Одновременно со 2-м Воззванием Рада регенционная направила обращение к обоим монархам, в которых обстоятельно обосновала свои действия и призвала к нератификации Брестского договора.

15 февраля 1918 года вышло Воззвание Рады регенционной, адресованное польской армии. В нем говорилось о «тяжелых временах, которые переживает наш народ», содержался призыв к солдатам быть «стойкими и спокойными в этот серьезный момент на службе Родины…» [14]. Генерал Станислав Шептыцкий (Stanisław Szeptycki), исполняющий обязанности Люблинского губернатора во время австрийской оккупации, 9 февраля 1918 года, затем 12 февраля обращался в Главное руководство армии с просьбой об отставке, получив ее 19 февраля 1918 года. Вместе с ним в отставку вышли все польские высшие служащие генерал-губернаторства во главе с руководителем польской гражданской администрации Ежи Мадейским (Jerzy Madeyski) [15].

Польские парламентарии тоже протестовали в парламентах Центральных государств: Польское коло в Венском парламенте опубликовало 16 февраля 1918 года Манифест Польского кола [16], а 20 февраля 1918 года протест в этом же парламенте был официально оглашен на заседании палаты депутатов. Аналогичные два протеста были оглашены в парламенте Германии (22 февраля 1918 года) и в прусском парламенте (7 марта 1918 года) [17].

Воззвания Рады регенционной оказались только началом целого ряда других политических решений, принимаемых разными польскими политическими и административными институтами. Воззвания к полякам издали все польские политические партии, начиная от пробольшевистских «Социал-демократии Королевства Польского» и Литвы [18], Польской социалистической партии — левицы и Бунда [19] на Польским Строництве Людовом и кончая Объединением Стронниств Демократических [20]. Среди польских организаций, которые сотрудничали с австрийскими оккупантами, наиболее ощутимым для них было расторжение всяческих контактов с Государственным экономическим советом, главная задача которого состояла в руководстве отделами обеспечения в уездах. Для оккупантов это значило, что всю акцию обеспечения (т. е. также поставок в Австрии) они должны были взять в свои руки.

Аналогичных примеров можно привести множество. Брестский договор Австро-Венгрии, Германии, Турции и Болгарии с эфемерной Украинской центральной радой как никакой другой политический акт немецких и австрийских захватчиков объединил всех поляков, показал, какой они являются силой, когда совместно действуют во благо национальных интересов.

---

[10] Ibid. S. 54. Przyp. N 80.

[11] Ibid.

[12] Это патент варшавского генерал-губернатора генерала Ханса Хартвиг-фон Беслера в отношении органов государственной власти в Королевстве Польском, в которых он признал Совет Регентства и Государственный совет как высшую законодательную власть в Королевстве Польском (См.: Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów 1866–1925. N 163. S. 353–354).

[13] Winnicki Z. J. Rada Regencyjna Królestwa Polskiego i jej organy (1917–1918). S. 54.

[14] Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów 1866–1925. N 191. S. 399–400.

[15] Q. v.: Lewandowski J. Królestwo Polskie pod okupacją austriacką 1914–1918. Warszawa, 1980. S. 118.

[16] Читаем в нем: «Мы поднимаем от имени польского населения австрийской части раздела Речи Посполитой торжественный протест против Брестского договора и мы ведем борьбу за его свержение» (Q. v.: Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów 1866–1925. N 192. S. 400–401).

[17] Q. v.: Historia dyplomacji polskiej. T. 3. S. 919.

[18] Q. v.: Treść odezwy: Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów 1866–1925. N 188. S. 395–397.

[19] Q. v. ibid. N 189. S. 397–398.

[20] Q. v. ibid. N 190. S. 398–399.

Отношение польского общества к решениям договора

Как только вести о решениях договора на счет польских территорий стали известны польскому обществу, на улицы городов и сел вышли тысячи протестующих. В период с 12 до 14 февраля 1918 года демонстрации носили спонтанный и наиболее бурный характер:

«12 февраля вечером на улицах Варшавы начались манифестации: разбиты окна в австрийских учреждениях, нескольких немецких учреждениях и казино на Краковском (Предместье. — *Р. Ю.*), несколько манифестантов арестовано. 14 февраля ППС провозгласила генеральную забастовку. Ночью с 13 на 14 (февраля) взорван соединительный столб трамвайных линий, что приостановило движение транспорта. Все учреждения и магазины были закрыты, движение на улицах возросло. В 12 часов в Краковском Предместье начались манифистации. Во время атаки войск на улицах ранили несколько десятков человек» [21].

Княгиня Мария Любомирская, жена князя Здзислава Любомирского, одного из членов Рады регенционной, внимательная и интелигентная наблюдательница тогдашних политических событий, сделала следующую запись в своем дневнике 14 февраля 1918 года: «Всеобщая забастовка, демонстрации. Утром все газеты издают на дополнительном листке Воззвание Рады регенционной к народу, в обход цензуры… В Краковском Предместье собирается толпа, организуется митинг, толпу атакует немецкий патруль… после обеда народ стал расходиться и уменьшилось число движений с оружием в руках немецких патрулей; утром перед визитками (костел Ордена посещения Пресвятой Девы Марии в Варшаве на улице Краковское Предместье, 34. — *Р. Ю.*) стоял наготове mitrailleuse (пулемет. — *Р. Ю.*)» [22].

Как вскоре оказалось, протесты охватили все польские оккупированые Центральными государствами земли. Очередной номер «Комуниката информационного» поместил описание событий в Люблине, Кельцах, Радоме, Пулавах, Хелме и Красныставе.

В Люблине в забастовке и демонстрации принял участие весь город. Состоялся марш и митинг под открытым небом. Выступающие от разных партий осуждали позорное австрийское насилие и вероломство, выкрикивая: «Да здраствует революция!», «Долой Габсбургов!», «Долой Брестский мир!». Сожгли политые керосином портреты Карла и Вильгельма и австрийско-венгерский флаг. Вечером прошли демонстрации во время заседания городского совета. Было столкновение с армией. Нескольких человек ранило. Конные патрули атаковали толпу и тоже ранили несколько человек. Несмотря на это, демонстрации продолжались. В Кельцах и Радоме состоялись многолюдные манифестации. В Пулавах беспорядки охватили все население и привели к серии демонстраций и конфликтов с оккупационными властями. Австрийский гарнизон получил патроны, усилил дозоры. В Хелме 12 февраля при участии 1500 человек состоялся митинг, на котором было принято решение начать подготовку к активному сопротивлению и началу действий на местах [23].

В Красноставским уезде (бывшая Люблинская губерния), часть которого должна была отойти к Украине, по манифестантам стреляли.

Огромные манифестации состоялись во Львове и Кракове. В Кракове разгромлено немецкое консульство, вокзал и др. Толпа снимала все австрийские гербы и вешала их на столбах. На Старовисляной улице на столбе повесили шпиона. Во время демонстрации 5 человек было убито и 97 ранено [24].

О событиях в Кракове так записала 15 февраля княгиня Мария Любомирская: «Сильный протест против насилия распространяется по всей Польше, охватив все слои и все сословия, вызвав неожиданную консолидацию мнений в Кракове, революционные настроения на национальном фоне: содраны двуглавые орлы со всех учреждений и т. д. На Сукенницах должен висеть образ распятого Христа на кресте между двумя негодяями: Карлом и Вильгельмом» [25].

Княгиня Мария Любомирская, вспоминая о протестах, обратила внимание на очень важный аспект отношения польского населения к Брестскому миру и марионеточному правительству УНР — протест действительно охватил все общественные группы польского народа. И если для немецких и австрийских оккупантов понятны были протесты политических деятелей, городской интеллигенции, землевладельцев, то выступления крестьян были для них чем-то абсолютно новым. Поэтому их реакция на происходящие события была очень разной.

Во многих селах население ставило дозоры, чтобы недопустить реквизиций. Вартовые возвращали отнятое зерно. Во многих местах войска отказывались стрелять в демонстрантов, в

---

[21] Komunikat Informacyjny. 1918, 15 luty. N 116.
[22] Pamiętnik księżnej Marii Zdzisławowej Lubomirskiej 1914–1918. Poznań, 1997. S. 608.
[23] Q. v.: Komunikat Informacyjny. 1918, 19 Luty. N 117.
[24] Q. v. ibid. 1918, 8 Marz. N 120.
[25] Pamiętnik księżnej Marii Zdzisławowej Lubomirskiej 1914–1918. S. 608–609.

других доходило до кровавых столкновений с жандармами. В гмине Людвине были убитые и раненые как со стороны населения, так и жандармерии [26].

Наибольшее негодование среди крестьянского населения имело место в Галиции. Вот как описал протесты крестьянский деятель, член Польского кола в Вене Винценты Витос: «В каждом городе и городишке, деревне проводились массовые демонстрации и митинги, на которых выступали многие ораторы. <...> …Крестьяне и рабочие не только принимали массовое участие в проводимых демонстрациях, митингах, богослужениях, но сами организовывали множество собраний и очень смело на них выступали» [27].

Протест польского населения в самых разнообразных формах охватил всю страну. Массово в Вену возвращали ордена и медали, занятия в школах были прерваны, гминные учреждения отказывались сотрудничать с оккупантами, солдат и жандармов разоружали, в немецких и австрийских учреждениях разбивали окна и т. д.

Польская армия и Брестский договор

Возмущение из-за Брестского договора с Украинской центральной радой не обошло и польскую армию. Польский вспомогательный корпус, состоящий из солдат 2-й бригады легионов во главе с полковником Юзефом Галлером, отказался исполнять приказы австрийцев. Он находился на Буковине недалеко от Черновиц и 15 февраля 1918 года руководство приняло решение о переходе линии Русско-австрийского фронта и марша на соединение с 2-м Польским корпусом, создаваемым на Подолье по русской стороне фронта. В ночной битве с 15 на 16 февраля 1918 года с австрийскими войсками под Раранчей (на северо-востоке от Черновцов) через линию фронта прорвалось около 100 офицеров и 1500 солдат. Несмотря на потерю всего обоза, что значительно ослабило их боевую силу, им все же удалось соединиться с 2-м корпусом [28].

Выводы

1. Сегодня известно, что решения договора от 9 февраля 1918 года не были реализованы. Более того, правительство Австро-Венгерской монархии никогда его не ратифицировало, несмотря на то, что в июле того же года это сделала Габсбургская монархия.

2. После нескольких месяцев оказалось, что отделение Холмщины от Царства Польского имело чисто символический характер. Тактические успехи немецкой армии в наступлении на Западном фронте в марте — мае 1918 года уже не в силах были изменить ситуацию: в июле 1918 года на этом фронте было уже 1211 тыс. хорошо подготовленных и вооруженных американских солдат, что вызвало поражение Германии в битве на Марне. После наступления союзников 8 августа стало ясно, кто выйдет победителем в войне.

3. Брестский договор полностью разоблачил позиции Германии и Австро-Венгрии в польском вопросе, которые совершенно не считались с польскими национальными стремлениями и что связывание судьбы Польши с этими странами может привести к национальной трагедии.

4. Протест польского общества против отделения Холмщины и части Подлясья от Царства Польского и присоединение их к Украинской Народной Республике дал понять всем польским политическим лидерам, что ставка на австрийское, а тем более немецкое разрешение польского вопроса после Бреста — не что иное, как национальное предательство. «9 февраля 1918 г., — как выразился польский социалист Игнацы Дашиньский в своем выступлении в австрийском Государственном совете, — потухла звезда Габсбургов на польском небосводе».

5. Брестский договор также показал польским политикам, что в своих усилиях по восстановлению независимости они могут рассчитывать только на польское общество

Протесты поляков в разных частях страны против договора от 9 февраля 1918 года были самым красноречивым свидетельством успеха, который в течение полувека, предшествовавшего Великой войне, достигнут польской нацией в процессе собственного развития. Длительная и упорная работа по развитию польского национального сознания, постоянная борьба с русификацией (в русской неволе) и германизацией (в немецкой неволе) привела к созданию современной нации, осознающей свою историю, смысл и цели усилий ради независимости.

---

[26] Q. v.: Komunikat Informacyjny. 1918, 19 Luty. N 117.
[27] Witos W. Moje wspomnienia. Warszawa, 1978. S. 520–521.
[28] Q. v.: Lipiński W. Walka zbrojna o niepodległość Polski w latach 1905–1918. Warszawa, 1990. S. 288–292.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРОВ

1. Чубарьян А. О. Брестский мир. — М. : Наука, 1964. — 246 с.
2. Batowski H. Rozpad Austro-Węgier 1914–1918 (Sprawy narodowościowe i działania dyplomatyczne). — 2 wyd., poprawione i uzupełnione. — Kraków, 1982.
3. Chwalba A. Samobójstwo Europy. Wielka Wojna 1914–1918. — Kraków, 2014.
4. Grossfeld L. Polityka państw centralnych wobec sprawy polskiej w latach 1914–1918. — Warszawa, 1962.
5. Historia dyplomacji polskiej. T. 3: 1795–1918 / pod red. Ludwika Bazylowa. — Warszawa, 1982.
6. Kieniewicz S. Historia Polski 1795–1918. — Warszawa, 1975.
7. Lewandowski J. Królestwo Polskie pod okupacją austriacką 1914–1918. — Warszawa, 1980.
8. Lipiński W. Walka zbrojna o niepodległość Polski w latach 1905–1918. Warszawa, 1990.
9. Pajewski J. Mitteleuropa. Studia z dziejów imperializmu niemieckiego w dobie pierwszej wojny światowej. — Poznań, 1959.
10. Pajewski J. Pierwsza wojna światowa 1914–1918. — 3 wyd. — Warszawa, 2004.
11. Pamiętnik księżnej Marii Zdzisławowej Lubomirskiej 1914–1918. — Poznań, 1997.
12. Winnicki Z. J. Rada Regencyjna Królestwa Polskiego i jej organy (1917–1918). — Wrocław, 2017.
13. Wojstomski S. W. Traktat brzeski a Polska. Sprawa polska w pertraktacjach pokojowych w Brześciu Litewskim pomiędzy Czwórprzymierzem a Rosją Sowiecką i Ukraina. — London, 1969.

Сведения об авторе

Юрковский Роман — Ph. D, профессор, Университет Вармии и Мазур в Ольштыне (Польша).

Сфера научных интересов: общественно-политическая жизнь в западных губерниях России во второй половине XIX — начале XX века, польское дворянство в политической жизни Российской империи, Польское коло в Государственной Думе и Государственном Совете.

Контактная информация: электронный адрес: roman.jurkowski@uwm.edu.pl

Roman Yurkovsky

POLISH COMMUNITY AND THE TREATY OF BREST-LITOVSK WITH THE UKRAINIAN CENTRAL RADA (FEBRUARY 9, 1918)

The article focuses on the Treaty of Brest-Litovsk signed by the Central Powers with Ukraine on February 9, 1918 and the reaction of Polish community to the formation of the Ukrainian State. The article centers on the members of the Ukrainian delegation and the claims they made during the negotiation. Ukrainian territorial claims were not limited to the lands of the former Russian Empire, but involved some lands belonging to the Austro-Hungarian Empire. The article explains why Germany and Austro-Hungary offered concessions to Ukraine. The deliveries of Ukrainian bread were not entirely plausible. The author maintains that Ukraine accepted the possibility of German and Austrian occupation. The article shows the reaction of Polish political powers and Polish community to the conditions of the Treaty of Brest-Litovsk. It analyzes the attitude of Polish political parties to the Treaty. The news that Ukraine got lands populated by Poles provoked indignant protests in German-occupied Poland. Territories that were to be transferred to Ukraine were engulfed by demonstrations and strikes. The author underlines the intense political and civic engagement of people in the territories occupied by Central Powers on the eve of the declaration of Poland's sovereignty.

World War I; Treaty of Brest-Litovsk; Ukrainian People's Republic; Germany; Austro-Hungary; Polish community; public opinion

REFERENCES

1. Chubar'jan A. O. *Brestskij mir* [The Treaty of Brest-Litovsk]. Moscow, Science Publ., 1964, 246 p. (In Russian).
2. Batowski H. Rozpad Austro-Węgier 1914–1918 (Sprawy narodowościowe i działania dyplomatyczne). 2 wyd., poprawione i uzupełnione. Kraków, 1982. (In Polish).
3. Chwalba A. Samobójstwo Europy. Wielka Wojna 1914–1918. Kraków, 2014. (In Polish).
4. Grossfeld L. Polityka państw centralnych wobec sprawy polskiej w latach 1914–1918. Warszawa, 1962. (In Polish).
5. Bazylow L. (ed.) Historia dyplomacji polskiej. Vol. 3 : 1795–1918. Warszawa, 1982. (In Polish).
6. Kieniewicz S. Historia Polski 1795–1918. Warszawa, 1975. (In Polish).
7. Lewandowski J. Królestwo Polskie pod okupacją austriacką 1914–1918. Warszawa, 1980. (In Polish).

8. Lipiński W. Walka zbrojna o niepodległość Polski w latach 1905–1918. Warszawa, 1990, pp. 288–292. (In Polish).
9. Pajewski J. Mitteleuropa. Studia z dziejów imperializmu niemieckiego w dobie pierwszej wojny światowej. Poznań, 1959. (In Polish).
10. Pajewski J. Pierwsza wojna światowa 1914–1918. 3 wyd. Warszawa, 2004. (In Polish).
11. Pamiętnik księżnej Marii Zdzisławowej Lubomirskiej 1914–1918. Poznań, 1997. (In Polish).
12. Winnicki Z. J. Rada Regencyjna Królestwa Polskiego i jej organy (1917–1918). Wrocław, 2017. (In Polish).
13. Wojstomski S. W. Traktat brzeski a Polska. Sprawa polska w pertraktacjach pokojowych w Brześciu Litewskim pomiędzy Czwórprzymierzem a Rosją Sowiecką i Ukraina. London, 1969. (In Polish).

Information about the author

Yurkovsky Roman — Ph. D, Professor, University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Poland).
Research interests: social and political life in western regions of Russia in the late 19th — early 20th centuries, the role of Polish nobility in the political life of the Russian Empire, Polish Kolo in the State Duma and State Council
Contact information: e-mail: roman.jurkowski@uwm.edu.pl

Поступила в редакцию 25.05.2019
Received 25.05.2019